

АНАЛОЙ

употребляемая в храмах высокая подставка для возложения богослужебных книг или икон

Рассказ об одном шедевре

Всмотримся еще раз в ранний, возможно, первый образ преподобного Кирилла Белозерского, написанный, по монастырскому преданию, за три года до его смерти другим прославленным вологодским подвижником – святым Дионисием Глушицким. Перед нами произведение, по внешним признакам практически во всем подобное иконе. Образ написан на липовой доске небольшого размера – 28 × 24 см. Такие иконы именовались пядницами от древнерусской меры длины – так называемой пяди, колебавшейся в древности в пределах 18–23 см, с помощью которой измеряли величину иконы. Как правило, пядницы выкладывались в храме на аналой для поклонения, хранились в ризницах и кельях, ставились в красном углу дома, являлись домашними и семейными реликвиями, служили вкладками в храмы.

Оборот иконы был закрыт тканью, которая тоже имеет свое общепринятое наименование – «рубашка», или «сорочка». Она служила своего рода убором тыльной части иконы подобно окладу, прикрывавшему, как сокровенную святыню, живописное изображение с лицевой стороны. На шелковой материи сохранилась надпись: «Кня[зя] Ива[на]», которого предположительно отождествляют с вкладчиком и узником Кирилло-Белозерского монастыря князем Иваном Михайловичем Воротынским. Усыпальницей рода Воротынских в обители является церковь-придел во имя

равноапостольного князя Владимира, примыкающая с севера к Успенскому собору, возведенная немного ранее, чем храм над гробом преподобного Кирилла с южной стороны.

Образ преподобного Кирилла выполнен в традиционной иконописной технике: к деревянной основе приклеена ткань – паволока, покрытая слоями специального мелового грунта, или левкаса, темперные краски изготовлены на основе растертых природных веществ и яичного желтка. Поверхность деревянной основы имеет небольшое углубление – ковчег, отделяющий средник от полей. Фон покрыт золотом, и эта особенность характерна именно для средневекового искусства: святой пребывает в вечности, вне реального времени и пространства, он пронизан Небесным светом и сам является его источником. Вокруг его головы золотой нимб – древнее обозначение святости, подтверждающее церковную канонизацию подвижника. Кроме того, на фоне заметны небольшие утраты грунта и остатки мельчайших гвоздей, которыми некогда был прикреплен к образу драгоценный оклад.

Видимое сходство с иконами свидетельствует о том, что перед нами, прежде всего, иконописный образ чтимого святого. Так в чем же его необычность, мог ли он быть создан «еще живу сушу чудотворцу Кириллу», то есть до причисления изображенного к лику преподобных? Ведь и манера письма, и способ послонно-

Лик преподобного Кирилла Белозерского

Деталь иконы «Преподобный Кирилл Белозерский». 1424–1448 гг. Из Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. Государственная Третьяковская галерея, Москва

го наложения красок, и колорит ничем не отличаются от принятых в иконописании. Присмотримся, например, как мастер писал лик чудотворца: от основного тона, или санкиря, к телесным колерам, плавяя охрения и завершающим форму белильным движкам. От темного к светлому – чтобы форма сияла изнутри, а не выявлялась природным освещением.

И, тем не менее, этот образ во многом отличается от тех совершенных, классических, выверенных изображений преподобного Кирилла, которые были созданы в мастерской Дионисия и предопределили последующее развитие иконографии святого. Как будто мастер намеренно отказался от идеальных пропорций и безупречной пластики, подчеркивая и даже утрируя некоторые особенности рисунка. Слишком большая голова, узкие и сутулые плечи – едва ли не единственное, что указывает на старческий возраст преподобного, которому, если верить дате предания, было тогда около 87 лет. Лик его выразителен и исполнен вдохновения – словно художник подловил мимолетное состояние, момент задумчивости. Контур фигуры и черты лица асимметричны. Хотя старец облачен в обычные для иконописи одежды преподобных, в них нет привычной разработанности рисунка, продуманности расположения складок, монашеская схима сбита набок, прост и жест руки со свитком. Столпообразная фигура святого не совсем устойчива, позем украшен хаотичными белильными мазками.

И хотя изображение совершенно не похоже на портрет в современном понимании этого термина, в образном и художественном строе заметна непосредственность и свобода авторской манеры, «скорописность» приемов, отсутствие иконописной завершенности. Их нельзя объяснить лишь состоянием сохранности и последующими утратами живописи, на некоторых участках сейчас почти прозрачной. Не исключено, что

все эти особенности – следствие очень качественного копирования первообраза, созданного намного раньше и не дошедшего до наших дней. Но есть и еще один аргумент, свидетельствующий в пользу ранней датировки уникального памятника.

На верхнем поле иконы сохранилась полустертая надпись: «ОА[гиос] ПРЕПО(Δ)БНІ КИРИЛЪ». И что удивительно – имя святого нанесено киноварью более светлого оттенка, очевидно, первоначально, а чин его святости был добавлен впоследствии. Когда могла быть сделана первая часть надписания? Несомненно, накануне или после церковного прославления преподобного Кирилла Белозерского, состоявшегося не позднее 1448 г. Если не искать других, не столь правдоподобных объяснений двухцветной надписи на иконе (не считать же ее более поздней имитацией?), то верхней границей датировки образа следует признать год канонизации святого.

Вспомним, что сразу же после смерти наставника в 1427 г. его ученики Христофор и преемник Иннокентий, вскоре тоже умерший от эпидемии, составили «Канон преподобному и богоносному отцу нашему Кириллу Белозерскому». Закономерно предположить, что тогда же появилась его первоикона. Впрочем, в словах канона: «*честному образу твоему припадающе, молим ти ся...*», – подразумевалась, очевидно, принесенная из Москвы преподобным Кириллом келейная икона Богородицы «Одигитрия», о которой уже шла речь в этой книге. В Житии святого 1462 г. – творении посетившего Кириллову обитель и расспросившего очевидцев Пахомия Логофета – о прижизненном изображении ничего не сказано.

Среди искусствоведов нет единого мнения о времени создания иконы преподобного Кирилла. Большинство исследователей приводят со знаком вопроса дату 1424 г. или склоняются к более поздней датировке – середина или даже

ПОЗЕМ

условное изображение земли в виде полосы в нижней части иконы

По монастырскому преданию, первый образ преподобного Кирилла Белозерского был написан за три года до его смерти другим прославленным вологодским подвижником – святым Дионисием Глушицким

Никита Ермолов. Преподобный Дионисий Глушицкий пишет икону преподобного Кирилла Белозерского

Клеймо створки киота.

1614 г. Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

конец XV в. Другие с большим доверием относятся к монастырскому преданию. Еще в 1918 г., после реставрационного раскрытия иконы, историк древнерусской живописи А. И. Анисимов писал, что образ имеет черты «чего-то на самом деле наблюденного в действительности». По его мнению, «перед лицом этой "иконы" мы в состоянии говорить о существовании в древней русской живописи портрета...». К тому же, предание подтверждается необыкновенным почитанием древнего образа и устойчивой традицией исполнения в XVI–XVIII вв. его точных списков. Едва ли в ближайшее время

появятся исторические или технико-технологические доводы, которые позволят без оговорок ответить на этот вопрос. У каждого зрителя есть возможность, познакомившись с иконографией святого и взглядевшись в «иконопортрет» в экспозиции Третьяковской галереи, обрести собственную точку зрения.

Что же известно об авторе, преподобном Дионисии Глушицком, которому приписывается создание прижизненного образа преподобного Кирилла? Этот вологодский подвижник был постриженником Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере. Испросив

благословения игумена на уединенное, «безмолвное» житие, вместе с иноком Пахомием он поселился в запустевшей обители в местности Святая Лука и, поставив там церковь во имя святителя Николая Чудотворца, принял сан священника. По откровению свыше, на реке Глушице он выбрал место для общежительного монастыря и, когда к нему стала собираться братия, упросил князя Димитрия Заозерского пожаловать земли для будущей «лавры». В начале XV в. там была возведена и «чудно» украшена

иконами – возможно, письма самого игумена обители – церковь в честь Покрова Богородицы.

Около 1420 г. преподобный Дионисий удалился в местечко Сосновец и основал новую пустынь с посвященной святому Иоанну Предтече церковью. До своей кончины в 1437 г. он по просьбе братии руководил обеими Глушицкими обителями и заповедал и в дальнейшем иметь им общего настоятеля. Подвижник, прославившийся строгими аскетическими подвигами и чудотворениями, был при-

Никита Ермолов.
Киот для иконы пре-
подобного Кирилла
Белозерского
 1614 г. Из Успенского собора
 Кирилло-Белозерского мона-
 стыря. Кирилло-Белозерский
 историко-архитектурный
 и художественный музей-запо-
 ведник

числен к лику святых на Макариевском соборе 1547 г. В Житии святого, составленном в конце XV в., сохранилось описание его внешности: «*бе же видом святыи мал телом и суж излише плотию, главу имеяше не малу, брови окружены, лице долго, влущени скрании, тихи имея очи, браду имея до персей густу, власы светлорусы в пол седины*». В некоторых иконописных подлинниках облик Дионисия уподобляется внешнему виду преподобного Кирилла. Так изобразительная традиция навсегда связала имена двух выдающихся игуменов-современников, один из которых пережил сподвижника всего на десятилетие.

Кисти глушицкого игумена, одаренного талантом иконописца, в прошлом были приписаны десятки произведений. Однако после их реставрации и изучения, кроме легендарного образа преподобного Кирилла, ко времени жизни мастера предположительно могут относиться только три иконы XV в.: «Успение Богородицы» из Кирилло-Белозерского музея-заповедника, «Успение Богородицы» и «Святой Иоанн Предтеча» из Вологодского музея-заповедника. Первая из них является храмовым образом первого Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря, что может косвенно свидетельствовать о цели приезда в обитель глушицкого игумена-иконописца. Две другие иконы, почитавшиеся чудотворными, происходят из Семигородней Успенской пустыни, основанной глушицкими монахами, но датируются в последние годы второй половиной и концом XV в. Все эти образцы вологодской иконописи слишком различаются и по художественному почерку, и по времени создания, чтобы связать их с именем одного автора, работавшего в первой трети столетия. Пожалуй, пядничный образ преподобного Кирилла, даже при всех сомнениях, в этом ряду является наиболее «достоверным» произведением иконника Дионисия Глушицкого.

Расцвет особого почитания «дионисиевского» изображения преподобного

Кирилла приходится, судя по сохранившимся спискам, на первую половину — середину XVII в. Хотя во вкладной книге Кирилло-Белозерского монастыря записано, что еще в 1548 г. царь Иван Грозный с царицей Анастасией Романовной «присылали по образ по чудотворцев» и при-

**Никита Ермолов.
Преподобный Кирилл
Белозерский**

Начало XVI в. Из собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. Музей фресок Дионисия, Ферапонтово

ЦАТА

украшение в виде серповидной или фигурной подвески, прикрепленной к венцу иконы

Преподобный Кирилл Белозерский

Хромолитография с иконы письма преподобного Дионисия Глушицкого. 1897 г. Мастерская Штадлера и Паттинота в Санкт-Петербурге. Российская государственная библиотека, Москва

ложили к нему «чудотворцеву пелену з жемчюгом». В самой ранней сохранившейся монастырской описи 1601 г. было отмечено: «Образ, пядница, преподобнаго Кирилла чудотворца, а писал преподобны Деонисей Глушитцы при чудотворце Кириле, обложен золотом». Подробно описан убор иконы – сканный золотой венец, цата, кресты, драгоценные камни.

В годы испытаний Смутного времени, после осады древней обители польско-литовскими отрядами, в 1614 г. монастырское предание получило зримое оформление: для чтимого образа был изготовлен специальный складень-киот, в навершии и подножии которого были вырезаны следующие надписи: «образ чудотворца Кирилла списан преподобным Дио-

нисием Глушицким еще живу сущу чудотворцу Кирилу в лето [6932–1424]»; «зделан сей киот в дом Пречистыя и чудотворца Кирилла в лето [7122–1614] года по благословению игумена Матфея в славу Богу». В килевидном завершении над средником расположен образ Спаса Нерукотворного.

На створках киота белозерец Никита Ермолов написал четыре значимых сюжета из Жития преподобного Кирилла: слева – рождение святого и водружение креста на месте будущей обители, справа – явление святому Пресвятой Богородицы в Симоновом монастыре и, в завершении цикла – создание прижизненного образа. Последний сюжет впервые встречается в житийной иконографии преподобного Кирилла: в центре композиции на фоне палат изображен Дионисий Глушицкий с большой ростовой иконой-портретом преподобного в руках, слева на фоне белокаменного храма стоит почтенный старец. Таким образом, в художественной программе клейма подразумевается, что изображение писалось с натуры (согласно надписи – «зря на святого»), а композиция разработана на основе подобных икон евангелиста Луки, творящего первый образ Божией Матери. Такой «исторический» и ассоциативный подход совершенно не соответствовал представлениям об избегавших земной славы поборниках древних традиций монашеского аскетизма. Однако это противоречие несколько не смущало заказчиков и создателей мемориального киота, устроивших его «в похвалу» великому авве-основателю.

Никита Ермолов был посадским человеком Белозерска, в 1609–1615 гг. по заказу обители писал «в казну» преимущественно большие и средние пядницы с образами Богородицы «на золоте» – на золотом фоне. Известен он и как копиист икон – именно ему доверили выполнить список с чудотворного образа Богоматери «Одигитрия», для которого в 1611 г. изготовили новый оклад. Кроме створок киота и этого списка, хранящихся в Кирилло-Белозерском музее-запо-

ПРЕСВ. КИРИЛЪ БЕЛОЗЕРСКІЙ. † 9 Іюня 1427 г.
 Съ изображенія писаннаго при жизни преподобнаго св. Дионисіемъ Глушицкимъ.

Въ С. Петербургѣ, въ Державнаго Императора Эрмитажѣ, издана въ 1897 г.

Крѣпост. Штабеля и Ветрова. С. П. Бурсы и др.

Преподобный Кирилл Белозерский

Середина XVII в. Белозерье (?). Из Углича. Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева, Москва

СОЛЕЯ

возвышение пола перед иконостасом для выходов священнослужителей на богослужении

веднике, мастеру приписывается образ преподобного Кирилла начала XVII в. из Музея фресок Дионисия в Ферапонтове.

Несмотря на небольшой размер, древнейшему образу преподобного Кирилла издавна отводилось почетное место в Успенском соборе Кирилло-Белозерского монастыря. В 1601 г. он стоял в иконостасе справа от царских врат над иконой «Одигитрия», принесенной в обитель преподобным Кириллом из Симонова монастыря. После изготовления киота комплекс поместили на солее справа перед иконостасом, затем перенесли в храм, воздвигнутый над мощами преподобного Кирилла. «Иконопортрет» почитался чудотворным. Не забывали в монастыре и его создате-

ля, в честь которого еще в 1560 г. освятили придел в трапезной церкви преподобного Сергия Радонежского «малого» Иоанновского монастыря. Там находилась большая икона преподобного Дионисия второй половины XVII в.

Киот письма Никиты Ермолова можно увидеть в экспозиции Кирилло-Белозерского музея-заповедника. Сам образ преподобного Кирилла после его реставрации в 1918 г. был перевезен в Москву, а в 1934 г. поступил из Центральных государственных реставрационных мастерских в Третьяковскую галерею. Для реконструкции целостного представления об ансамбле сейчас в центре киота находится точная копия – работа современного иконописца.

На хромолитографии из собрания Российской государственной библиотеки воспроизведен древнерусский «иконопортрет», каким он выглядел в конце XIX в. С развитием исторической и церковно-археологической науки во второй половине этого столетия появилось множество рисунков, альбомов, эстампов, копий икон, где были запечатлены старинные, особо чтимые святыни нашего Отечества. Многие из них после прошлого века безбожия и уничтожения церковного искусства стали бесценными свидетельствами исчезнувших шедевров. На отпечатанной в Санкт-Петербурге хромолитографии 1897 г. образ преподобного Кирилла покрыт древним окладом с жемчужной обнизью по краю фигуры, венцы и цата отсутствуют. Общий силуэт и рисунок складок на одежде, разделки бороды переданы довольно точно, но лик святого, несмотря на внешнее сходство, при переводе в литографию утратил жизненность и одухотворенность.

Икона-список из Архангельского собора Московского Кремля, находившаяся возле раки с мощами благоверного царевича Димитрия Угличского, является одной из ранних. Она датируется специалистами второй половиной XVI в., однако авторская живопись скрыта от глаз

**Преподобный Кирилл
Белозерский**

*XVII в. Кирилло-Белозерский
историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник*

под записью 1774 г., осуществленной, судя по надписи на поземе, диаконом Лукой Глаголевским. Предполагают, что образ происходит из царских молелен, где он сохранялся как семейная реликвия. На этой иконе, почти идентичной

оригиналу по размерам, точно повторяются особенности авторского рисунка и, может быть, авторских моделировок формы. Закрывающий список золотой чеканный оклад с черневыми образами Успения Богородицы и избранных русских святых на дробницах – в их числе и преподобный Дионисий Глушицкий – является первоклассным образцом московского ювелирного искусства. Надпись на нем, объединяющая греческое и русское слова для обозначения святости («оагио(с) препо(до)бнь»), отчасти воспроизводит подлинную.

Множество пядничных списков древнейшего образа, повторяющих его с различной степенью достоверности, хранятся в собраниях российских музеев – Русского музея и Музея истории религии в Санкт-Петербурге, Третьяковской галереи и Музея имени Андрея Рублева в Москве, Сергиево-Посадского музея-заповедника, в церковных и частных коллекциях. Несомненно, для их создания нередко использовались прописи, подобные иконному образцу конца XVIII в. из Исторического музея. В отличие от оригинала, на верхнем поле таких икон, как правило, писали в небесном сегменте образ Спаса Вседержителя или Богородицы «Знамение». Духовные интонации образа, направление взгляда преподобного, положение его рук со свитком могли изменяться. И все же иконописцы, следуя за авторитетом древнего первоисточника, стремились максимально приблизиться к образцу. Даже большие храмовые иконы подчас свидетельствуют о вдохновении мастера красивым преданием о прижизненном «иконопортрете» и доносят до нас его обаяние – в контурах фигуры и рисунке епитрахили, в жесте рук и даже во взоре святого.

Особенно интересны списки иконы, имеющие сопроводительные тексты. Несмотря на более вытянутый формат доски, образ 1624 г. из Вологодского музея-заповедника, скрытый под записью XIX в., судя по резной надписи

по полю древнего киота, есть «изображение и во все(м) подобие и мера з живописного образа чудотворца Кирилла по желанию и вере грешного черннца Фла[виана?]», то есть он был скопирован по заказу некоего монаха, возможно, старца Кирилло-Белозерского монастыря Флавиана, почившего в 1633 г. и погребенного возле Успенского собора. В гравированной надписи 1850-х гг. на металлической пластине внутри киота повторялась эта информация: «Находящаяся в сем киоте св. икона преп. Кирилла, белозерскаго чуд. замечательна своею древностю, о которой свидетельствует вырезанная на краях сего киота надпись следующего содержания...». В 1852 г. икона была украшена серебрянным окладом «при протоиерее Николае Ламанском, старостой купцом Николаем Колесовым». Но и на этом история почитания образа не исчерпывается: даже в атеистическом XX в., когда люди боялись открыто выражать свои религиозные чувства, на обороте доски появилась запись о том, что «в 5 нед[елю] Вел[икого] Поста в 1925 г. чистила эту икону раба Божия Мария Булатова. Помолись за мя недостойную рабу великий угодник Божий, раба же Божия Константина сохрани в вере Христовой». Икона поступила в музей из закрытой в конце 1920-х гг. вологодской церкви во имя преподобного Кирилла Белозерского в Рошенье.

Иконография древнерусских святых богата самыми различными примерами создания икон под впечатлением натуральных наблюдений – рассказов учеников и так называемых «самовидцев» подвижника, запомнивших черты его лица, или свидетелей чудесных явлений угодника во сне и наяву, поведавших об этом составителям жития и создателям иконографического канона. Бывали случаи прижизненных или посмертных зарисовок наружности святого, как при погребении преподобного Дионисия Радонежского, когда «нецыи от иконописцов подобие лица его на бумаге начерташу». Случалось, что при открытии нетленных мощей чудотворца особенности его облика и облачения предавались огласке и влия-

ли на развитие иконографии. В житийной литературе встречается множество бесценных описаний внешности святых, отразивших не только видимый, но и духовный облик. И, тем не менее, «живописный образ» преподобного Кирилла Белозерского уникален, как и связанное с ним предание, объединившее в памяти потомков двух великих игуменов великой эпохи.

Преподобный Кирилл Белозерский

1624 г. Запись – XIX в.

Из церкви преподобного Кирилла Белозерского в Рошенье в Вологде. Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник